

Информация для цитирования:

Магадеев И. Э. «Венгерский фактор» в центрально- и восточноевропейской политике Франции (весна — лето 1920 года) / И. Э. Магадеев // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 8. — С. 426—443. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-426-443.

Magadeev, I. E. (2024). 'Hungarian Factor' in Central and Eastern European Politics of France (Spring — Summer 1920). *Nauchnyi dialog*, 13 (8): 426-443. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-426-443. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**«Венгерский фактор»
в центрально-
и восточноевропейской
политике Франции
(весна — лето 1920 года)**

Магадеев Искандэр Эдуардович
orcid.org/0000-0002-6521-2202
кандидат исторических наук,
кафедра истории и политики стран
Европы и Америки
iskander2017@yandex.ru

Московский государственный институт
международных отношений
(университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 24-18-00461,
<https://rscf.ru/project/24-18-00461/>

**‘Hungarian Factor’
in Central and Eastern
European Politics of France
(Spring — Summer 1920)**

Iskander E. Magadeev
orcid.org/0000-0002-6521-2202
PhD in History,
Department of History and Politics
of European and American Countries
iskander2017@yandex.ru

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 24-18-00461,
<https://rscf.ru/project/24-18-00461/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена роли и значению «венгерского фактора» в центрально- и восточноевропейской политике Франции в период с апреля по август 1920 года. Новизна исследования видится в том, что проанализировано не только двустороннее франко-венгерское взаимодействие, но и вопрос о том, как представления Парижа о месте Венгрии в Европе были связаны с иными векторами внешней политики Третьей Республики. Источниками выступили опубликованные французские дипломатические документы, дневник начальника Генштаба французской армии генерала Э. Бюа, отдельные донесения военного атташе Франции в Великобритании генерала А. де ла Пануза. Автор приходит к выводу о том, что «венгерский фактор» воздействовал на центрально- и восточноевропейскую политику Третьей Республики противоречивым образом. Показано, что отношение к Венгрии как к проигравшей стране отвечало целям Парижа по утверждению статуса Франции как державы-победительницы, по укреплению пояса дружественных государств в Центрально-Восточной Европе, по расширению сферы финансово-экономического присутствия. Вместе с тем подчеркивается, что Венгрия не воспринималась как прямая угроза интересам Третьей Республики, а в условиях наступления Красной армии на Запад потенциально могла быть встроена в антисоветскую коалицию.

Ключевые слова:

Франция; Венгрия; Парижская мирная конференция; советско-польская война; Миллеран.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the role and significance of the “Hungarian factor” in the central and eastern European political landscape of France during the period from April to August 1920. The novelty of this research lies in its analysis not only of the bilateral Franco-Hungarian interactions but also of how Paris’s perceptions of Hungary’s place in Europe were intertwined with other vectors of the Third Republic’s foreign policy. The study utilizes published French diplomatic documents, the diary of General Edmond Buat, Chief of Staff of the French Army, and select reports from General Artus de la Panouse, the French military attaché in the United Kingdom. The author concludes that the “Hungarian factor” influenced the central and eastern European policy of the Third Republic in a contradictory manner. It is demonstrated that France’s view of Hungary as a defeated nation served Paris’s objectives of affirming its status as a victorious power, consolidating a belt of friendly states in Central-Eastern Europe, and expanding its financial and economic presence. At the same time, it is emphasized that Hungary was not perceived as a direct threat to the interests of the Third Republic; rather, in the context of the Red Army’s advance westward, it could potentially be integrated into an anti-Soviet coalition.

Key words:

France; Hungary; Paris Peace Conference; Soviet-Polish War; Millerand.

«Венгерский фактор» в центрально- и восточноевропейской политике Франции (весна — лето 1920 года)

© Магадеев И. Э., 2024

1. Введение = Introduction

Почти триумфом стала мысль о том, что межвоенный период в истории Европы (если не весь XX век) протекал «в тени» Первой мировой войны [Магадеев, 2021]. Ход и специфика окончания самой войны напрямую повлияли на целый ряд важных стратегических и политических характеристик послевоенного устройства. Одну из них можно обозначить следующим образом: дихотомия между ситуацией к Западу от Германии, где странам Антанты удалось добиться к осени 1918 года выраженного превосходства на фронтах (хотя сама война закончилась практически на западных границах Германии), и положением дел на Востоке Европе, где военно-политическое присутствие Великобритании, Франции, не говоря уже о США, было несравнимо меньшим.

Такое положение дел вызывало у руководства Третьей Республики повышенную обеспокоенность. Председатель Совета министров и военный министр «Ж. Клемансо и его окружение хорошо понимали также, что две пострадавшие от войны державы, [такие] как Германия и большевистская Россия, имеют веские основания для объединения сил в борьбе с победителями» [Ачкинази, 2020, с. 118]. Исходя из подобных условий, а также концепций, выработанных еще в 1917—1918 годах, Париж стремился укрепить воссозданные и / или новообразованные государства в Центрально-Восточной Европе (ЦВЕ). Руководство Франции отводило им тройную роль: 1) сдерживать Германию с Востока и образовать в случае войны «второй фронт» против нее (отсюда французское обозначение ряда центрально- и восточноевропейских государств как «тыловых союзников», то есть союзников Франции в тылу Германии); 2) образовать «санитарный кордон» для недопущения военно-политической и революционной экспансии Советской России на Запад; 3) осложнить контакты и не допустить

доминирования Берлина и Москвы на европейском пространстве между Германией и Советской Россией [Magadeev, 2022].

Взаимосвязанная политика по укреплению «тыловых союзов» и строительству «санитарного кордона» затрагивала главным образом дружественные Франции государства. В марте 1919 года, реагируя в ходе Парижской мирной конференции на предложения премьер-министра Великобритании Д. Ллойд Джорджа смягчить условия будущего мирного договора для Германии, Клемансо не согласился с подобным курсом. Напротив, он предложил поддержать Польшу и Чехословацкую республику (ЧСР) — «единственный барьер, который отделяет русский большевизм от германского большевизма» [Néré 1975, p. 268—269]. Однако в 1920 году казалось, что отчасти схожую функцию сможет выполнить Венгрия — бывший противник, только что переживший революционные потрясения, но вместе с тем страна, не имевшая фундаментальных противоречий с Францией и продолжавшая оставаться немаловажной фигурой на европейской «шахматной доске».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель статьи — выявить роль и значение «венгерского фактора» в центрально- и восточноевропейской политике Франции в период с апреля по август 1920 года. Постановка вопроса о «венгерском факторе» обусловлена тем, что автор стремится не только проанализировать двустороннее франко-венгерское взаимодействие, но и кратко продемонстрировать, как представления Парижа о месте Венгрии в Европе были связаны с иными векторами французской дипломатии (отношения с Польшей, Германией, Советской Россией, ЧСР). Речь идет о том, чтобы избежать «тисков билатеральности» [Ланник, 2022] и не упустить воздействия на двусторонние отношения условно «внешних» факторов; иными словами, вписать франко-венгерское взаимодействие в более широкий международный контекст, без понимания которого картина отношений между Парижем и Будапештом может выглядеть неполной или даже искаженной.

Хронологические рамки статьи обусловлены двумя основными обстоятельствами. Во-первых, весна и лето 1920 года были временем наиболее активного дипломатического маневрирования Франции в отношениях с Венгрией. Казалось, что Париж был готов пойти на отдельные дипломатические уступки Будапешту, в том числе при согласовании Трианонского мирного договора.

Во-вторых, на указанный хронологический период пришелся наиболее драматичный отрезок советско-польской войны 1919—1921 годов (подчас ее датируют лишь 1920 годом, что представляется не совсем точным). Как

будет показано ниже, данный вооруженный конфликт напрямую влиял на венгерскую политику Парижа, хотя это обстоятельство отнюдь не всегда артикулировалось в историографии [Карлей, 2017]. Французский историк Ж.-А. Суту, развивавший тезис о нацеленности Парижа летом 1920 года сформировать широкую антибольшевистскую коалицию из стран ЦВЕ (с участием Венгрии) [Soutou, 2015, p. 340—341], отмечал, что другие историки, «как правило, встречали его со скепсисом» [Journal..., 2015, p. 8]. Один из примеров выражения подобной скептической позиции — работа французского историка П. Градволя, подчеркивавшего, что планы Парижа по выстраиванию антисоветского фронта в ЦВЕ остались весьма абстрактными и лишенными конкретики [Gradwohl, 2017, p. 96].

Источниковую базу статьи составили опубликованные еще в 1997—2002 годах французские дипломатические документы за 1920 год [DDF, 1997—2002, vol. 1—3]. Их исследовательский потенциал, однако, нельзя считать исчерпанным. Важные сведения, касающиеся оценок стратегической ситуации весны — лета 1920 года, которые циркулировали в военном руководстве Третьей Республики, были почерпнуты из дневника начальника Генштаба французской армии генерала Э. Бюа [Journal..., 2015], а также из отдельных донесений военного атташе Франции в Великобритании генерала А. де ла Пануза [SHD/DAT 7 N 2794].

Выбранный исследовательский подход, а также привлечение недавно введенных в научный оборот источников определяют новизну статьи. Акцент, сделанный автором на роли общего международного контекста, позволит уточнить ряд выводов, имеющих в историографии, а также несколько иначе расставить акценты.

Историки, изучавшие французское дипломатическое маневрирование в отношениях с Венгрией весной — летом 1920 года, как правило, увязывали его с взглядами и деятельностью влиятельного генерального секретаря МИД Франции (Кэ д'Орсэ) М. Палеолога (занимал пост в январе — сентябре 1920 года). Его отставка нередко рассматривалась исследователями как конец французского дипломатического зондажа на венгерском направлении и переключение на поддержку формирующейся антивенгерской группировки государств — Малой Антанты в составе ЧСР, Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС), Румынии [Ádám, 1985; Hochwald, 2008]. Также подчеркивалась роль бизнес-интересов влиятельной французской промышленной группы «Шнейдер и Ко.», которая в указанный период вела активные переговоры с венгерскими властями [Orde, 1980; Marguerat, 2004]. Вместе с тем авторы-составители «Французских дипломатических документов» призывали не преувеличивать степени франко-венгерского сближения накануне подписания Трианонского договора [DDF, 1997, p. xiv].

Изучение роли и значения «венгерского фактора» в центрально- и восточноевропейской политике Парижа позволит уточнить и дополнительный историографический вопрос — об отношении французских властей к Малой Антанте, начало формированию которой положило заключение чехословацко-югославской конвенции о взаимопомощи 14 августа 1920 года.

Уже современники событий нередко сомневались в том, насколько Франция, действительно, определяла ход событий в субрегионе. В депеше от 6 января 1945 года, оглядываясь на опыт межвоенного периода, французский дипломат М. Дежан даже писал, что Франция «вместо того, чтобы направлять новообразованные государства», «подстраивала свою внешнеполитическую линию под их действия» [DDF, 1998, р. 12]. Фундированный тезис о том, что Франция, стремившаяся к консолидации ЦВЕ на более широкой основе, а не на базе альянса ЧСР, КСХС и Румынии, отнюдь не сыграла решающей роли в образовании Малой Антанты, был высказан советским историком А. А. Языковой [Языкова, 1974, с. 102—106]. С привлечением новых документов он был развит современными российскими исследователями [Пресняков, 2014, с. 206]. Все же и в современной отечественной историографии можно встретить мысль о том, что именно Париж стимулировал образование Малой Антанты, а сама группировка являлась своего рода сателлитом Франции [Зонова, 2016, с. 90; Сергеев, 2017, с. 322]. В связи с этим важным представляется дополнительное прояснение ситуации.

К тому же в современной англо- и франкоязычной историографии вопрос о внешней политике Парижа на венгерском направлении в 1920-е годы не получил столь же детального освещения, как отношения Третьей Республики с Польшей [Dessberg, 2009] и ЧСР [Davion, 2009]. Ключевыми во многом продолжают быть написанные ранее труды венгерских исследовательниц М. Адам [Ádám, 2004] и М. Ормош [Ormos, 1990], для которых характерно некоторое преувеличение степени мадярофильства французской дипломатии.

Вопрос о взаимодействии Будапешта с Парижем не был центральным и для работ советского историка А. И. Пушкаша. Его исследования по внешней политике Венгрии остаются базовыми для современной русскоязычной историографии [Пушкаш, 1981]. Важным дополнением к ним стали в новейший период статьи российского историка А. С. Стыкалина [Стыкалин, 2014; Стыкалин, 2020] и белорусского исследователя А. О. Пеганова [Пеганов, 2015; Пеганов, 2016].

Актуальность статьи связана, прежде всего, с тремя обстоятельствами. Во-первых, текущий период нестабильности в международных отношениях стимулирует к изучению в чем-то схожих хронологических отрезков в европейской истории. Период весны — лета 1920 года характеризовал-

ся повышенной турбулентностью, а также наличием вооруженного конфликта в Восточной Европе. Во-вторых, анализ французской политики в отношении Венгрии дает материал для понимания модусов влияния на субрегиональную ситуацию «внешнего» игрока (в данном случае — Франции). В-третьих, современная международная обстановка демонстрирует наличие у таких государств, как Венгрия, определенного пространства для дипломатического маневра и попыток воздействия на макроисторические процессы. В этом аспекте просматриваются отдельные параллели с положением дел в выбранный хронологический период.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Венгрия в системе внешнеполитических координат Парижа

Контекст венгерской политики Парижа в апреле — августе 1920 года задавали несколько основных обстоятельств, чье значение, с точки зрения французских властей, не было постоянным и со временем менялось (подчас — достаточно резко). Основными вехами можно считать следующие события: 1) подготовка и подписание Трианонского договора 4 июня¹; 2) менявшийся ход советско-польской войны: начало польского наступления против советских республик 25 апреля; переход Красной армии в контрнаступление в конце мая — начале июня; контрудар польских войск под Варшавой, начиная с 16 августа; 3) согласование концессионного договора фирмы «Шнейдер и Ко.» и венгерских властей (подписан 22 июня).

Восприятие Венгрии политическим руководством, военными и дипломатами Третьей Республики оставалось волатильным и зависело от положения дел как на двустороннем уровне (прежде всего — в контексте подготовки Трианонского договора, хотя, очевидно, его условия согласовывались в первую очередь членами Антанты), так и в ЦВЕ в целом, где перипетии советско-польской войны влияли на позицию Парижа. Вместе с тем подобная волатильность имела свои пределы, которые в значительной степени определяли более широкие интересы, которые руководство Франции планировало реализовать на Парижской мирной конференции и за ее пределами.

Взаимодействие с основными союзниками по Антанте (прежде всего с Великобританией) при всей внутренней сложности отношений оставалось императивом для Парижа с целью закрепления итогов пусть и относительной, но победы в Первой мировой войне. Характеризуя позицию Клемансо, французские исследователи отмечали, что, с его точки зрения, после войны, которую вела коалиция, никто не мог в одиночку диктовать условия мира:

1 При отсутствии упоминания года в тексте статьи по умолчанию подразумевается 1920 год.

необходимо было принести «все жертвы ради поддержания согласия между четырьмя державами-победительницами» [Becker et al., 1990, p. 141]. На условиях «весак» французской дипломатии взаимодействие с Венгрией также не перевешивало отношений с Польшей, ЧСР, Румынией и КСХС — «нашими малыми союзниками», как их нередко называли во внутренней переписке МИД Третьей Республики [DDF, 1997, p. 296, 604].

Можно констатировать двойственность восприятия Венгрии французской дипломатией. С одной стороны, она рассматривалась как бывший противник, который должен понести бремя поражения и быть ослаблен в пользу дружественных Франции государств. В инструкциях, отправленных 6 марта высокому комиссару Франции в Венгрии Ж. Дюльсе, председатель Совета министров и министр иностранных дел А. Мильеран подчеркнул: «Агрессия против Сербии, за которую они [венгры. — *И. М.*] несут прямую ответственность, была причиной мировой войны. Венгрия, сообщница Германии, должна пострадать вместе с ней и подчиниться, как Германия, мирному договору, который несет освобождение и фиксирует возрождение угнетенных национальностей» [DDF, 1997, p. 306]. Маршал Франции Ф. Фош, председатель Союзного военного совета в Версале, как свидетельствовала его записка Мильерану от 22 января, стремился навязать Венгрии условия по разоружению и призывал внимательно следить за попытками Будапешта «развивать венгерские вооруженные силы и военную промышленность в наступательных целях» [DDF, 1997, p. 55].

Однако, с другой стороны, Париж был готов пойти на определенное лавирование в отношениях с Венгрией и сыграть на ожиданиях Будапешта относительно того, что отношения с Францией позволят смягчить условия готовившегося мирного договора.

Начиная с марта Париж осуществлял осторожное дипломатическое заигрывание с Будапештом. Важным посредником в этих контактах выступал венгерский предприниматель и адвокат К. Гальмош, который, как считали в МИД Франции, пользовался доверием регента Венгрии М. Хорти и был вхож в круги венгерского правительства [DDF, 1997, p. 419; 505]. Уже первые контакты Гальмоша с Палеологом демонстрировали, что венгерский посредник стремился привлечь французскую сторону в лице «Шнейдер и Ко.» обещанием передать в концессию различные объекты государственной собственности в Венгрии (железные дороги, порты и др.). Взамен Будапешт надеялся на послабление территориальных и военно-политических условий готовившегося мирного договора [DDF, 1997, p. 411].

Одним из итогов дипломатического флирта между Парижем и Будапештом стала отправка Мильераном сопроводительного письма венгерским властям 6 мая [DDF, 1997, p. 610—613]. В нем содержался осторожный на-

мек на возможные локальные изменения границ по сравнению с проектом мирного договора. Этот шаг был воспринят премьер-министром Венгрии Ш. Шимоньи-Шемадамом и министром иностранных дел П. Телеки как обещание «осуществить в ближайшем будущем смягчение условий [мирного] договора» (письмо Мильерану от 17 мая) [DDF, 1999, p. 11].

Эти надежды оказались завышенными. Как свидетельствовала записка Палеолога от 13 мая, отправленная новому высокому комиссару Франции в Венгрии М. Фуше, Париж был готов лишь предложить свои добрые услуги в переговорах Венгрии с соседними государствами, подчиняя подобные действия условиям мирного договора [DDF, 1997, p. 641].

Степень французского «ревизионизма» в контактах с представителями Венгрии, действительно, не стоит преувеличивать. Власти Третьей республики отнюдь не были готовы пойти на хоть сколько-нибудь серьезные территориальные уступки Венгрии, а рассматривали эту дипломатическую игру в сугубо прагматических и тактических целях. Комментируя заявление Фуше венгерскому правительству о том, что желательно усилить торгово-экономические связи в Дунайской Европе, Мильеран в послании от 27 июня послу Третьей Республики в Великобритании П. Камбону высказал важную мысль. Он подчеркнул, что эта декларация «не ослабит ценности подписанных нами соглашений, а также не станет прецедентом, к которому сможет апеллировать Германия» в ревизионистских целях: «... мы получаем от Венгрии экономические привилегии в обмен на обещанное проявление доброй воли, реализуя которую мы ни в коей мере не выходим за пределы постановлений мирного договора и сопроводительного письма к нему» [DDF, 1999, p. 187].

К осени разочарование Будапешта во «французской опции» было очевидным. Встреча Гальмоша с генеральным секретарем Конференции послов стран Антанты, французским дипломатом Ж. Ларошем, состоявшаяся 27 октября в Париже, продемонстрировала, что МИД Третьей Республики весьма сдержан в удовлетворении венгерских требований (ослабление военных и территориальных условий Трианона, создание специальной Репарационной комиссии по Венгрии). На полях записки Лароша, резюмировавшей встречу, генеральный секретарь Кэ д'Орсэ Ф. Бертело, сменивший Палеолога и известный прочехословацкими симпатиями, начертал: «... мы не можем пойти ни на какие шаги, которые противоречат [мирному] договору и могут нанести вред нашим союзникам» [DDF, 2002, p. 181—183].

3.2. Роль и назначение Венгрии во внешнеполитических планах руководства Франции

Резоны дипломатического маневрирования Парижа в отношении с Будапештом были разнообразны; также менялся и уровень приоритета,

отдаваемого тому или иному из них. Стратегические и долгосрочные интересы переплетались с текущими и тактическими.

Одним из ключевых резонов дипломатического флирта правительства Мильерана с Будапештом в марте июне служил проект концессии «Шнейдер и Ко.». Как подчеркивал Палеолог, данное соглашение рассматривалось не просто как дело частных предпринимателей, а как торгово-экономическая операция, «соответствующая политике, которую проводит правительство Республики» [DDF, 1999, p. 163].

Сделка была согласована 22 июня, но аннулирована к ноябрю 1920 года. Помимо финансово-экономических факторов (недостаток ресурсов у «Шнейдер и Ко.» для реализации полученных прав, отказ Министерства финансов Франции поддержать проект), свою роль сыграл политический фактор — разочарование венгерских властей в результатах сближения с Францией [Orde, 1980, p. 486—487; Marguerat, 2004, p. 133]. Можно сказать, что контракт венгерских властей с фирмой «Шнейдер и Ко.» был объектом двойного торга: во-первых, по условиям самого соглашения; во-вторых, относительно политической «цены», которую официальный Париж негласно готов заплатить за финансово-экономические уступки Будапешта. По обоим трекам ожидания сторон в итоге не совпали.

Вместе с тем во внешней политике Третьей Республики на венгерском направлении имелись концептуальные константы. Французская дипломатия стремилась не допустить сближения Венгрии с Германией или социалистической революции в стране. Периодически поступавшие на Кэ д'Орсэ сведения о возможных поставках в Венгрию немецких вооружений [DDF, 1999, p. 45] или о германофильских настроениях части венгерской элиты [Пресняков, 2014, с. 223], казалось, подтверждали опасения французской дипломатии.

Париж также боролся против утверждения в Венгрии преимущественного британского и / или итальянского влияния, ратовал за усиление французского экономического и культурного присутствия в стране. В донесении в Париж от 2 августа Фуше в апологетическом ключе даже противопоставлял французское влияние, «мягкое по форме» и уважительное «к национальной гордости венгров», британским методам, «всегда немного brutальным, которые, без сомнения продолжают применяться за кулисами» [DDF, 1999, p. 362]. О глубине противоречий между Францией и ее союзниками по Антанте говорила, например, поступавшая в Париж информация о предполагаемых итальянских и британских поставках оружия в Венгрию [DDF, 1997, p. 423].

В целях не допустить немецко-венгерского сближения и сократить возможность аншлюса (присоединения Австрии к Германии) Париж также не

исключал использования «монархической опции», то есть утверждения на венгерском престоле одного из представителей династии Габсбургов. Как сообщал Фуше в донесении в Париж от 31 марта, «монархический режим, по всей вероятности, будет восстановлен в этой стране, согласно почти единодушным пожеланиям населения» [DDF, 1997, р. 452]. Однако Мильеран со скепсисом относился к варианту реставрации Габсбургов, отметив в инструкциях для Дульсе от 6 марта, что «республиканская форма правления в Венгрии дала бы нам наиболее солидные гарантии против возвращения агрессивного национализма» [DDF, 1997, р. 307].

Таким образом, как в силу стратегических, так и тактических причин французская дипломатия не хотела чрезмерно антагонизировать Венгрию и подталкивать ее в сторону Германии. Подобные соображения сыграли определенную роль в восприятии официальным Парижем начала формирования Малой Антанты в августе.

Реакцию правительства Мильерана на заключение чехословацко-югославской конвенции о взаимопомощи можно охарактеризовать как несколько настороженную. Такой ее характер был обусловлен двумя основными обстоятельствами.

Первое из них заключалось в том, что Париж выступал за образование более широкой группы, считая чехословацко-югославский «базис» Малой Антанты слишком узким. Речь шла не только о скорейшем присоединении Румынии к формирующейся группе для создания «барьера против большевистского натиска в Центральной Европе», о чем 4 августа Мильеран писал П. Камбону [DDF, 1999, р. 377], но и о потенциальном сближении ЧСР с Польшей, что было реализовать намного сложнее. С точки зрения главы французской военной миссии и одновременно начальника Генштаба чехословацкой армии генерала М. Пелле, которую он сформулировал в письме Бертело от 14 сентября, французской дипломатии стоило «оказать давление на Польшу, дабы продемонстрировать насущную необходимость ее сближения с Чехословакией» [DDF, 1999, р. 611].

Второе ключевое обстоятельство, которое обусловило настороженное отношение Кэ д'Орсэ к началу формирования Малой Антанты, было связано с опасением, что данный процесс приведет к нарастанию реваншистских настроений в Венгрии и к ее возможному сближению с противниками Франции. Как отметил Пелле, в МИД Третьей республики «были удивлены формированием Малой Антанты, которое не вызвало большого удовлетворения ввиду опасений, что после этого шага Венгрия бросится в противоположный лагерь» [DDF, 1999, р. 610].

Наличие указанных соображений не означало вместе с тем готовности Парижа идти на действительно серьезные уступки Будапешту или делать

ставку на Венгрию как на основной фактор стабилизации Дунайской Европы. О наличии полноценного французского проекта по созданию некоей Дунайской конфедерации, который нередко ассоциируется в историографии с личностью Палеолога [Язькова, 1974, с. 102; Ádám, 1985, p. 40; Hochwald, 2008, p. 82; Пресняков, 2014, с. 206], говорить затруднительно. Скорее, как свидетельствовали инструкции Мильерана от 6 марта [DDF, 1997, p. 307] и циркулярная телеграмма Палеолога от 22 июня [DDF, 1999, p. 163—165], речь шла о достаточно общих идеях о необходимости торгово-экономического сближения стран-наследниц Австро-Венгрии и нормализации отношений между ними. В донесении Мильерану от 13 сентября поверенный в делах Франции в Италии Ф. Шарль-Ру отдельно подчеркнул, что в инструкциях для французской дипломатической миссии в Вене содержался специальный запрет «прикладывать усилия к созданию Дунайской конфедерации» [DDF, 1999, p. 603]. Туманный прожект (особенно — в реалиях первых послевоенных лет) отнюдь не был для руководства Третьей Республики потенциальной заменой тех столпов, на которые пыталась опереться французская дипломатия в ЦВЕ — взаимодействие с государствами Большой и Малой Антант.

3.3. «Советский фактор» и его воздействие на венгерскую политику Парижа

Наибольшие изменения в венгерскую политику Парижа грозил привести «советский фактор». Будапешт стремился использовать обострение в советско-польской войне как рычаг для того, чтобы продемонстрировать Франции (и шире — странам Антанты) полезность Венгрии как союзника в борьбе против Красной армии и добиться взамен территориальных и военно-политических уступок. Власти Третьей Республики, в свою очередь, встали перед дилеммой: как укрепить антисоветскую коалицию, не допустив краха послевоенного урегулирования и не испортив фатальным образом отношений с «малыми союзниками»?

Разыгрывание «советской карты» венгерскими представителями началось еще до перехода польской армии в наступление. В записке от 13 апреля, адресованной Палеологу, Гальмош ссылался на Хорти, утверждавшего, что Венгрия при необходимости сможет выставить «армию в 500 000 храбрых, верных и дисциплинированных солдат» [DDF, 1997, p. 522]. В этом прочитывалось стремление заинтересовать Париж в венгерском содействии накануне нового обострения советско-польской войны в обмен на ослабление военных статей Трианона (ограничивали венгерскую армию численностью в 35 тысяч человек).

В условиях советского контрнаступления подобные демарши Будапешта стали еще более настойчивыми. Венгерские власти пытались увя-

зать оказание помощи Польше с получением территориальных уступок от стран Большой Антанты (обеспечение общей польско-венгерской границы и отказ отсоединять от Венгрии так называемые северные комитаты (Словакию) [DDF, 1997, р. 506, 633—634]. Представители Венгрии пытались убедить Фуше и главу французской военной миссии в Будапеште генерала Ж. К. Амлена в критическом характере ситуации, в необходимости для Венгрии иметь армию в 60—70 тысяч человек [DDF, 1999, р. 45], оккупировать часть территории ЧСР (Подкарпатскую Русь) якобы ввиду слабости чехословацкой армии и необходимости остановить дальнейшее продвижение Красной армии. Хотя Фуше не исключал варианта оккупации Подкарпатской Руси венгерской армией под командованием генералов из стран Антанты, Пелле ясно дал, что такой вариант неприемлем для Праги. В телеграмме от 29 июля Мильеран поддержал Пелле и заблокировал обсуждавшийся вариант [DDF, 1999, р. 313—314, 342]. О том, что председатель Совета министров Франции не собирался идти на поводу у Будапешта, говорил и его недипломатичный отказ встретиться с венгерскими представителями в Париже 11 августа, что вызвало возмущение венгерских властей [DDF, 1999, р. 411—412].

В письме от 7 августа 1920 года, отправленном Амлену, Телеки, переместившийся в кресло премьер-министра, утверждал, что намерение советского правительства — «начать в ближайшем будущем наступление на Венгрию и поход на Будапешт» [Попова, 1996, с. 41]. Амлен и Фуше понимали, что одним из глубинных мотивов венгерских властей остается стремление, примкнув к потенциальной антисоветской коалиции, добиться смягчения и ревизии Трианонского договора [DDF, 1999, р. 313, 375, 412].

В Париже присутствовали и более алармистские оценки. О встревоженности французских военных говорило донесение ла Пануза от 30 июля. Военный атташе Франции в Великобритании не исключал, что отправка англо-французской миссии в Польшу, стоявшая тогда в повестке дня, может стать прологом прямого конфликта между странами Антанты и советскими республиками [SHD/DAT 7 N 2794]. В дневниковой записи от 8 августа Бюа зафиксировал крайнюю встревоженность военного министра А. Лефевра. Последний полагал, что «русские не остановятся на этом пути. Этой осенью, победив поляков, они решат вопрос с Врангелем, их противником в Крыму. Весной 1921 года настанет черед румын, а летом — Чехословакии, за которой последуют Венгрия и Австрия. Большевизм тем самым закрепится в центре Европы» [Journal..., 2015, р. 909].

Начало польского контрнаступления под Варшавой, немаловажную роль в организации которого сыграли французские офицеры, стало облегчением для официального Парижа. Вместе с тем даже в критические

августовские дни власти Третьей Республики не хотели идти на серьезные уступки Венгрии. Примечательно, что при всем своем алармизме Лефевр критиковал прошлую «дружественную политику в отношении венгров, поскольку она настраивает чехов и румын против нас» [Journal..., 2015, p. 910]. Изменение хода советско-польской войны лишило Будапешт возможности разыграть «советскую карту» на данном этапе.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, «венгерский фактор» воздействовал на центральную и восточноевропейскую политику Третьей Республики в апреле — августе 1920 года противоречивым образом. Отношение к Венгрии как к проигравшей стране отвечало целям Парижа по закреплению статуса Франции как одной из ключевых держав-победительниц в Первой мировой войне, по усилению пояса дружественных государств в ЦВЕ, по расширению сферы французского финансово-экономического присутствия в субрегионе. Вместе с тем Венгрия не воспринималась как прямая угроза интересам Третьей Республики, а в условиях наступления Красной армии на Запад потенциально даже могла быть встроена в антисоветскую коалицию.

Эволюция венгерской политики Парижа в рассмотренный период демонстрировала сложности, с которыми сталкивалось руководство Франции при попытках координировать различные векторы внешней политики. Общая концептуальная рамка Кэ д'Орсэ строилась на идее стабилизации торгово-экономических, а затем политических отношений между государствами ЦВЕ, недопущении дрейфа Венгрии в сторону Германии и противодействию аншлюсу, борьбе с попытками Великобритании и Италии занять в этой стране доминирующие позиции. Однако реализация подобного замысла наталкивалась на разнообразные сложности. Польско-венгерское сближение в условиях наступления Красной армии на Запад, сулившее стратегические дивиденды, негативно воспринималось ЧСР — ключевым государством формирующейся Малой Антанты и важным элементом французской системы «тыловых союзов».

При определенной волатильности французской позиции она содержала в себе твердое «ядро» базовых установок. Дипломатический флирт с Будапештом отнюдь не перевешивал в оценках французской дипломатии отношений с «малыми союзниками», не говоря уже о ключевых державах Большой Антанты. Париж рассчитывал использовать «венгерский фактор» для достижения своих вариативных целей при минимальных уступках Будапешту. Потенциал франко-венгерского взаимодействия оставался небольшим, что по-своему было понятно уже к осени 1920 года.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. DDF — *Documents diplomatiques français*. 1920. — Paris : Imprimerie nationale ; Bruxelles : P. I. E.–Peter Lang, 1997. — Т. 1. — 717 p. — ISBN 978-2-1108-9141-9 ; *Documents diplomatiques français*. 1945. — Paris : Imprimerie nationale, 1998. — Т. 1. — 894 p. — ISBN 978-2-1108-9146-4 ; *Documents diplomatiques français*. 1920. — Paris : Imprimerie nationale, 1999. — Т. 2. — 688 p. — ISBN 978-2-1108-9149-5 ; *Documents diplomatiques français*. 1920. — Bruxelles : P. I. E.–Peter Lang, 2002. — Т. 3. — 667 p. — ISBN 978-9-0520-1969-7.
2. *Journal du général Buat*, 1914—1923. — Paris : Perrin, 2015. — 1400 p. — ISBN 978-2-2620-3839-7.
3. SHD/DAT — *Service historique de la Défense / Département de l'armée de terre* (Vincennes, France). 7 N (État-major de l'armée et attachés militaires). 7 N 2794 (Rapports des attachés militaires. Grande-Bretagne. 1920—1924).

Литература

1. Ачкинази Б. А. Проблема безопасности Франции после окончания Первой мировой войны / Б. А. Ачкинази // Новая и новейшая история. — 2020. — Т. 64. — № 3. — С. 107—129. — DOI: 10.31857/S013038640009147-9.
2. Зонова Т. В. История внешней политики Италии / Т. В. Зонова. — Москва : Международные отношения, 2016. — 352 с. — ISBN 978-5-7133-1530-6.
3. Карлей М. Дж. Антибольшевизм во внешней политике Франции : польский кризис 1920 г. / М. Дж. Карлей // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. — 2017. — № 3 (10). — С. 52—73.
4. Ланник Л. В. В тисках билатеральности : новое поколение сборников документов по истории двусторонних отношений России с ее западными соседями / Л. В. Ланник // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. — 2022. — № 2 (29). — С. 234—256. — DOI: 10.24412/2409-1413/2022-2-234-256.
5. Магадеев И. Э. В тени Первой мировой войны : дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы / И. Э. Магадеев. — Москва : Аспект Пресс, 2021. — 864 с. — ISBN 978-5-7567-1112-7.
6. Пеганов А. О. Чехословакия в политике Будапешта на завершающем этапе Великой войны (от Белградского перемирия 1918 г. до Трианонского мира 1920 г.) / А. О. Пеганов // Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы : очерки истории. — Москва : Институт славяноведения РАН, 2015. — С. 556—578. — ISBN 978-5-7576-0349-0.
7. Пеганов А. О. Попытки Венгрии нормализовать отношения с Чехословакией в 1920—1921 годы / А. О. Пеганов // Славяноведение. — 2016. — № 3. — С. 20—30.
8. Попова С. С. «Они готовы возобновить борьбу» : Военное министерство и МИД Франции о белой эмиграции в Венгрии. 1920—1921 гг. / С. С. Попова // Исторический архив. — 1996. — № 1. — С. 41—70.
9. Пресняков А. З. Проблема мирного урегулирования на территории бывшей Австро-Венгрии : роль великих держав (1918—1921 гг.) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.00, 07.00.03 / А. З. Пресняков. — Москва, 2014. — 287 с.

10. *Пушкаш А. И.* Внешняя политика Венгрии. Ноябрь 1918 — апрель 1927 г. / А. И. Пушкаш. — Москва : Наука, 1981. — 368 с.
11. *Стыкалин А. С.* Проекты Дунайской Федерации Оскара Яси в контексте национально-территориальных споров в Средней Европе (1910-е — 1940-е годы) / А. С. Стыкалин // Балканы в европейских политических проектах XIX—XX вв. — Москва : Институт славяноведения РАН, 2014. — С. 373—394. — ISBN 978-5-7576-0316-2.
12. *Стыкалин А. С.* Трианонский мирный договор 1920 года и его последствия для Венгрии и Центральной Европы. К 100-летию роковой годовщины в венгерской истории / А. С. Стыкалин // Вишеградская Европа. — 2020. — № 1—2. — С. 25—44.
13. *Язькова А. А.* Малая Антанга в европейской политике. 1918—1925 / А. А. Язькова. — Москва : Наука, 1974. — 330 с.
14. *Ádám M.* Les deux coups d'État de l'ex-roi Charles et la Petite Entente / M. Ádám // Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae. — 1985. — Т. 31. — № 1—2. — Pp. 33—85.
15. *Ádám M.* The Versailles System and Central Europe / M. Ádám. — Farnham : Ashgate, 2004. — 383 p. — ISBN 978-0-8607-8905-5.
16. *Becker J.-J.* Victoire et frustrations 1914—1929 / J.-J. Becker, S. Berstein. — Paris : Seuil, 1990. — 480 p. — ISBN 978-2-0201-2069-2.
17. *Davion I.* Mon voisin, cet ennemi : la politique de sécurité française face aux relations polono-tchécoslovaques entre 1919 et 1939 / I. Davion. — Bruxelles : Peter Lang, 2009. — 472 p. — ISBN 978-9-0520-1496-8.
18. *Dessberg F.* Le triangle impossible : les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924—1935) / F. Dessberg. — Bruxelles : Peter Lang, 2009. — 440 p. — ISBN 978-9-0520-1466-1.
19. *Gradwohl P.* Les militaires français et la Hongrie en 1918—1920 / P. Gradwohl // Militaires et diplomates français face à l'Europe centrale. — Paris : Eur'Orbem Éditions, 2017. — Pp. 83—96. — ISBN 979-10-96982-01-1.
20. *Hochwald Ch.* La diplomatie française face à la crise royale en Hongrie (1921) / Ch. Hochwald // Revue historique des armées. — 2008. — № 251. — Pp. 78—84.
21. *Magadeev I. E.* L'alliance franco-polonaise dans les estimations militaires et diplomatiques de Moscou dans les années 1920 / I. E. Magadeev // Guerres mondiales et conflits contemporains. — 2022. — № 4 (288). — Pp. 51—64. — DOI: 10.3917/gmcc.288.0051.
22. *Marguerat Ph.* Les investissements français dans le Bassin danubien durant l'entre-deux-guerres : pour une nouvelle interprétation / Ph. Marguerat // Revue historique. — 2004. — № 629. — Pp. 121—162. — DOI: 10.3917/rhis.041.0121.
23. *Néré J.* The Foreign Policy of France from 1914 to 1945 / J. Néré. — London : Routledge, 1975. — 366 p. — ISBN 978-0-7100-7968-8.
24. *Orde A.* France and Hungary in 1920 : Revisionism and Railways / A. Orde // Journal of Contemporary History. — 1980. — Vol. 15. — № 3. — Pp. 475—492.
25. *Ormos M.* From Padua to the Trianon 1918—1920 / M. Ormos. — Budapest : Akadémiai Kiadó, 1990. — 410 p. — ISBN 978-0-8803-3195-1.
26. *Soutou G.-H.* La grande illusion : quand la France perdait la paix 1914—1920 / G.-H. Soutou. — Paris : Tallandier, 2015. — 382 p. — ISBN 979-1-0210-3979-7.

Статья поступила в редакцию 24.07.2024,
одобрена после рецензирования 09.10.2024,
подготовлена к публикации 15.10.2024.

Material resources

DDF — *Documents diplomatiques français. 1920, 1.* (1997). Paris: Imprimerie nationale; Bruxelles: P. I. E.–Peter Lang. 717 p. ISBN 978-2-1108-9141-9; *Documents diplomatiques français. 1945, 1.* (1998). Paris: Imprimerie nationale. 894 p. ISBN 978-2-1108-9146-4; *Documents diplomatiques français. 1920, 2.* (1999). Paris: Imprimerie nationale. 688 p. ISBN 978-2-1108-9149-5; *Documents diplomatiques français. 1920, 3.* (2002). Bruxelles: P. I. E.–Peter Lang. 667 p. ISBN 978-9-0520-1969-7.

Journal du général Buat, 1914—1923. (2015). Paris: Perrin. 1400 p. ISBN 978-2-2620-3839-7. (In Frenc.).

SHD/DAT — *Service historique de la Défense / Département de l'armée de terre (Vincennes, France). 7 N (État-major de l'armée et attachés militaires). 7 N 2794 (Rapports des attachés militaires. Grande-Bretagne. 1920—1924).* (In Frenc.).

References

- Achkinazi, B. A. (2020). The problem of French security after the end of the First World War. *New and modern history*, 64 (3): 107—129. DOI: 10.31857/S013038640009147-9. (In Russ.).
- Ádám, M. (1985). Les deux coups d'État de l'ex-roi Charles et la Petite Entente. *Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 31 (1—2): 33—85. (In Frenc.).
- Ádám, M. (2004). *The Versailles System and Central Europe*. Farnham: Ashgate. 383 p. ISBN 978-0-8607-8905-5.
- Becker, J.-J., Bernstein, S. (1990). *Victoire et frustrations 1914—1929*. Paris: Seuil. 480 p. ISBN 978-2-0201-2069-2. (In Frenc.).
- Carley, M. J. (2017). Anti-Bolshevism in French foreign policy: the Polish crisis of 1920. *Journal of Russian and Eastern European Historical Studies*, 3 (10): 52—73. (In Russ.).
- Davion, I. (2009). *Mon voisin, cet ennemi: la politique de sécurité française face aux relations polono-tchécoslovaques entre 1919 et 1939*. Bruxelles: Peter Lang. 472 p. ISBN 978-9-0520-1496-8. (In Frenc.).
- Dessberg, F. (2009). *Le triangle impossible: les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924—1935)*. Bruxelles: Peter Lang. 440 p. ISBN 978-9-0520-1466-1. (In Frenc.).
- Gradvohl, P. (2017). Les militaires français et la Hongrie en 1918—1920. In: *Militaires et diplomates français face à l'Europe centrale*. Paris: Eur'Orbem Éditions. 83—96. ISBN 979-10-96982-01-1. (In Frenc.).
- Hochwald, Ch. (2008). La diplomatie française face à la crise royale en Hongrie (1921). *Revue historique des armées*, 251: 78—84. (In Frenc.).
- Lannik, L. V. (2022). In the grip of bilaterality: a new generation of collections of documents on the history of bilateral relations between Russia and its Western neighbors. *Journal of Russian and Eastern European Historical Studies*, 2 (29): 234—256. DOI: 10.24412/2409-1413/2022-2-234-256. (In Russ.).
- Magadeev, I. E. (2021). *In the shadow of the First World War: dilemmas of European security in the 1920s*. Moscow: Aspect Press. 864 p. ISBN 978-5-7567-1112-7. (In Russ.).
- Magadeev, I. E. (2022). L'alliance franco-polonaise dans les estimations militaires et diplomatiques de Moscou dans les années 1920. *Guerres mondiales et conflits contemporains*, 4 (288): 51—64. DOI: 10.3917/gmcc.288.0051. (In Frenc.).
- Marguerat, Ph. (2004). Les investissements français dans le Bassin danubien durant l'entre-deux-guerres: pour une nouvelle interprétation. *Revue historique*, 629: 121—162. DOI: 10.3917/rhis.041.0121. (In Frenc.).

- Néré, J. (1975). *The Foreign Policy of France from 1914 to 1945*. London: Routledge. 366 p. ISBN 978-0-7100-7968-8.
- Orde, A. (1980). France and Hungary in 1920: Revisionism and Railways. *Journal of Contemporary History*, 15 (3): 475—492.
- Ormos, M. (1990). *From Padua to the Trianon 1918—1920*. Budapest: Akadémiai Kiadó. 410 p. ISBN 978-0-8803-3195-1.
- Peganov, A. O. (2015). Czechoslovakia in the politics of Budapest at the final stage of the Great War (from the Belgrade Armistice of 1918 to the Trianon Peace of 1920). In: *The First World War and the fate of the peoples of Central and Southeastern Europe: essays on history*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. 556—578. ISBN 978-5-7576-0349-0. (In Russ.).
- Peganov, A. O. (2016). Hungary's attempts to normalize relations with Czechoslovakia in 1920—1921. *Slavic Studies*, 3: 20—30. (In Russ.).
- Popova, S. S. (1996). “They are ready to resume the struggle”: the Ministry of War and the French Foreign Ministry on white emigration in Hungary. 1920—1921. *Historical Archive*, 1: 41—70. (In Russ.).
- Presnyakov, A. Z. (2014). *The problem of peaceful settlement in the territory of the former Austria-Hungary: the role of the great powers (1918—1921)*. PhD Diss. Moscow. 287 p. (In Russ.).
- Pushkash, A. I. (1981). *The foreign policy of Hungary. November 1918 — April 1927*. Moscow: Nauka. 368 p. (In Russ.).
- Soutou, G.-H. (2015). *La grande illusion: quand la France perdait la paix 1914—1920*. Paris: Tallandier. 382 p. ISBN 979-1-0210-3979-7. (In Frenc.).
- Stykalin, A. S. (2020). The Trianon Peace Treaty of 1920 and its consequences for Hungary and Central Europe. To the 100th anniversary of the fateful anniversary in Hungarian history. *Visegrad Europe*, 1—2: 25—44. (In Russ.).
- Styklin, A. S. (2014). Projects of the Danube Federation by Oscar Yasi in the context of national-territorial disputes in Central Europe (1910s — 1940s). In: *The Balkans in European political projects of the XIX—XX centuries*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. 373—394. ISBN 978-5-7576-0316-2. (In Russ.).
- Yazkova, A. A. (1974). *The Small Entente in European politics. 1918—1925*. Moscow: Nauka. 330 p. (In Russ.).
- Zonova, T. V. (2016). *History of Italian foreign policy*. Moscow: International Relations. 352 p. ISBN 978-5-7133-1530-6. (In Russ.).

*The article was submitted 24.07.2024;
approved after reviewing 09.10.2024;
accepted for publication 15.10.2024.*